

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Кто же счастливейшая?

– Какие чудные розы! – сказал солнечный луч. – И каждый бутон распустится и будет такою же чудною розою! Все они – мои детки! Мои поцелуи вызвали их к жизни!

– Нет, это мои детки! – сказала роса. – Я кропила их своими слезами!

– А мне так кажется, что они мои родные детки! – сказал розовый куст. – Вы же только крёстные отец и мать, одарившие моих деточек кто чем мог.

– Мои прелестные детки! – сказали все трое в один голос и пожелали каждому цветку всякого счастья. Но только один из них мог оказаться самым счастливым из всех и один наименее счастливым.

Кто же именно?

– А вот я узнаю это! – сказал ветер. – Я летаю повсюду, проникаю в самые узкие щели, знаю, что делается и внутри и снаружи домов.

Каждая роза слышала, каждый бутон понял сказанное.

В сад пришла печальная мать в трауре и сорвала одну свежую, полураспустившуюся розу, которая показалась ей прекраснейшею из всех. Мать принесла цветок в тихую безмолвную комнату, в которой несколько дней тому назад резвилась её весёлая жизнерадостная дочка. Теперь же девочка покоилась, словно спящее мраморное изваяние, в чёрном гробу. Мать поцеловала умершую, поцеловала и полураспустившуюся розу и положила её на грудь девочки, как бы надеясь, что свежий цветок, освящённый поцелуем матери, заставит снова забиться её сердечко.

И роза так и расцвела вся, пышно развернула свои лепестки, колебавшиеся от радостной мысли: «Какою любовью озарился путь моей жизни! Я как будто стала человеческим ребёнком, – мать поцеловала меня и благословила в путь – в неведомую страну! И

я отправлюсь туда, покоясь на груди умершей! Конечно, я счастливейшая из всех моих сестёр!»

Потом, пришла в сад старая полольщица гряд; она тоже залюбовалась красотой куста и глаз не могла оторвать от самой большой, вполне распутившейся розы. Капля росы да один жаркий день ещё, и – лепестки опадут! Вот как рассуждала женщина и нашла, что роза покрасовалась довольно, – пора было извлечь из неё и пользу. И вот, она сорвала цветок, завернула его в газетную бумагу и отнесла домой, чтобы набальзамировать солью вместе с другими розами и смешать с засушенными голубыми лавандами, – выйдет чудесная душистая смесь! Такой чести, как бальзамирование, удостоиваются только розы да короли!

– Мне выпал на долю высший почёт! – сказала роза, которую сорвала полольщица. – Я – счастливейшая! Меня набальзамируют! Затем явились двое молодых людей; один – художник, другой – поэт. Каждый сорвал себе по прекрасной розе.

Художник изобразил цветущую розу на холсте, так что она увидела себя как в зеркале.

– Таким образом, – сказал художник: – она будет жить многие годы, в продолжение которых успеют завясть и умереть миллионы и миллионы роз!

– Мне посчастливилось больше всех! – сказала роза. – Я достигла высшего счастья!

Поэт полюбовался на свою розу и написал о ней стихи, целую поэму, в которой высказал всё, что прочёл на её лепестках. Вышла бессмертная поэма – «Альбом любви».

– Он обессмертил меня! – сказала роза. – Я счастливейшая!

Но среди этой массы прекрасных роз была одна, которая как-то заслонялась другими; по воле случая – может быть и счастливого – у неё был изъян: она криво сидела на стебельке, лепестки её были расположены не совсем симметрично, и из середины чашечки выглядывал маленький свёрнутый зелёный листок. Случаются подобные изъяны и у роз.

– Бедное дитя! – говорил ветер и целовал её в щечку, а роза думала, что он приветствует, чествует её. Она сама чувствовала, что сложена как-то иначе, нежели другие розы, что из чашечки её выглядывает зелёный листок, но смотрела на это

не как на изъян, а как на отличие. Вот на неё вспорхнул мотылёк и поцеловал её лепестки; это был жених, но она не стала удерживать его. Потом явился огромный кузнечик; он уселся на другую розу и принялся влюблённо потирать ножки, – это признак влюблённости у кузнечиков. Роза, на которой он сидел, не поняла этого; зато поняла роза с изъяном – свёрнутым зелёным листком; на неё-то как раз и уставился кузнечик, а глаза его так и говорили: «Съел бы я тебя от пущей любви!» А уж, известно, дальше этого никакая любовь не может идти: один исчезает в другом! Но роза не имела ни малейшего желания исчезнуть в этом прыгуне.

Звёздную ночью запел соловей.

– Это он для меня поёт! – сказала роза с изъяном или с отличием. – И за что это меня во всём постоянно отличают от других сестёр! Почему именно мне выпало на долю это отличие, благодаря которому я стала счастливейшей?

Тут в сад зашли два господина; они курили сигары и вели разговор о розах и табаке: правда ли, что розы не переносят табачного дыма – зеленеют? Надо было произвести опыт. Но они пожалели красивейшие розы и взяли для опыта розу с изъяном.

– Вот новое отличие! – сказала она. – Я уж чересчур счастлива! Я счастливейшая из счастливейших!

И она вся позеленела от этого сознания и табачного дыма.

Одна из роз, едва начавшая распускаться и, может быть, самая прекрасная на всём кусте, заняла почётное место в искусно подобранном садовником букете. Букет отнесли важному молодому господину, владельцу дома и сада, и тот повёз его с собою в карете. Роза сидела между другими цветами и зеленью словно царица красоты. И вот, она очутилась на блестящем празднике. Повсюду сидели разряженные мужчины и дамы, залитые светом тысяч ламп. Музыка гремела, театр утопал в море света. При восторженных криках зрителей на сцену выпорхнула юная танцовщица – любимица публики, и к ногам её посыпался целый дождь цветов. Упал к её ногам и букет с розой, сиявшей в его середине как драгоценный камень. Роза чувствовала всю честь, всё безмерное счастье, выпавшие ей на долю, но вот букет коснулся пола, стебелёк её переломился, она выскочила из

букета и покати́лась по полу. Не пришлось ей попасть в руки виновницы торжества, – она откатилась за кулисы. Там уви́дал её машинист и поднял. Она была так хороша, так чудно пахла, но стебелька у неё не было! Он взял и положил её прямо в карман, а потом отнёс домой. Там роза очутилась в рюмке с водою и пролежала в ней всю ночь. Рано утром её поставили на стол перед старою бабушкою, беспомощно сидевшею в кресле. Как она любовалась прекрасною розою без стебелька, как наслаждалась её запахом!

– Да, ты не попала на роскошный стол важной барышни, попала к бедной старухе! Зато здесь ты заменяешь целый розовый куст! Как ты хороша!

И старушка с детскою радостью смотрела на цветок, вероятно вспоминая при этом свою давно минувшую юность.

– В оконном стекле была дырочка! – рассказывал ветер. – Я легко пробрался через неё и видел, каким юношеским блеском сияли глаза старушки, любовавшейся на розу без стебелька в рюмке с водою. Я знаю, которая из роз была счастливее всех! Я могу рассказать это!

У каждой розы была таким образом своя история, каждая верила, что она счастливейшая, а, ведь, блажен, кто верует!.. Но последняя из роз на кусте всё-таки считала себя самую счастливейшею.

– Я пережила всех! Я последнее, единственное, любимейшее дитя у отца!

– И я – отец им всем! – сказал розовый куст.

– Нет, я! – возразил солнечный свет.

– Нет, я! – сказали в один голос ветер и погода.

– Каждый имеет на них свои права!? – сказал ветер. – И каждый получит свою долю! – И он развеял лепестки, окроплённые сиявшими в лучах солнца капельками росы. – И мне кое-что досталось! – прибавил он. – Я узнал историю каждой розы, и разнесу их по всему свету!

Так вот, которая же из роз счастливейшая? Да, скажите-ка это мне вы, я уже сказал довольно!

 Загрузка...